

СЛОВО редактора

Оттепель прошлого века оставила в нас след. Хотя многие из нас тогда не жили. И продлилась она недолго, чуть больше десяти лет, но до сих пор нам не дает покоя невероятный оптимизм эпохи, чувство свободы и вера в безграничные возможности, о которых мы слышали, читали, видели на экране. XX съезд, полет человека в космос, поэтические вечера в Политехническом, фильмы Хуциева и Данелии, журнал «Юность»...

— У вас все хорошо?

— Очень!

— Но ведь так не бывает!

— Бывает! (фильм «Я шагаю по Москве»)

Вот и под Новый год возвращается «оттепель» — совместный проект нескольких музеев столицы, и везде она будет разная. Мы поговорили с Кириллом Светляковым, куратором выставки «Оттепель», которая откроется в феврале в Третьяковской галерее на Крымском Валу. Читайте, что от нее ждать и почему та эпоха так популярна сейчас, — вы встретите стилияг, одетых по моде шестидесятых, на катке в Парке Горького, услышите стихи Беллы Ахмадулиной и Роберта Рождественского в театре, увидите на экране пышные ситцевые юбки, приталенные жакеты и высокие прически.

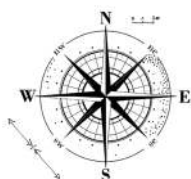
Советский дизайн снова в моде, и мир открывает его для себя. На первой Лондонской биеннале дизайна работы послевоенного времени получили главную награду — Utopia Medal 2016. Так что пришло время все извлекать из забвения!

Обо всем этом и не только читайте в этом номере. Легкости вам и хорошего настроения!

ОКСАНА СЕМИРЯГА



Ю.И. Пименов «Свадьба на завтрашней улице», 1962



НОВАТЭК ПЛЮС

Корпоративный журнал ПАО «НОВАТЭК»

ЗИМА 2016/2017

Редакция:

Оксана Семиряга
главный редактор

Анна Грацианская
редактор

Полина Максимова
фоторедактор

Дарья Бережкова
дизайнер

Евгения Шарипова
корректор

Авторы:

Алексей Беляков
Алексей Васильев
Мария Комарова
Ольга Косырева
Ирина Мак
Наталья Морозова
Юлия Сони́на

Учредитель
ПАО «НОВАТЭК»

Контакты:

Департамент общественных связей
ПАО «НОВАТЭК»
Телефон: +7 (495) 721 2207
gazeta@novatek.ru
www.facebook.com/Media.Novatek

Фотография на обложке:
Владимир Лагранж, 1970



Android



iOS

16+



СОДЕРЖАНИЕ

6 ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ

Ради чего стоит выйти
из дому в холода

8 10 ГЛАВНЫХ ВЫСТАВОК ЗИМЫ

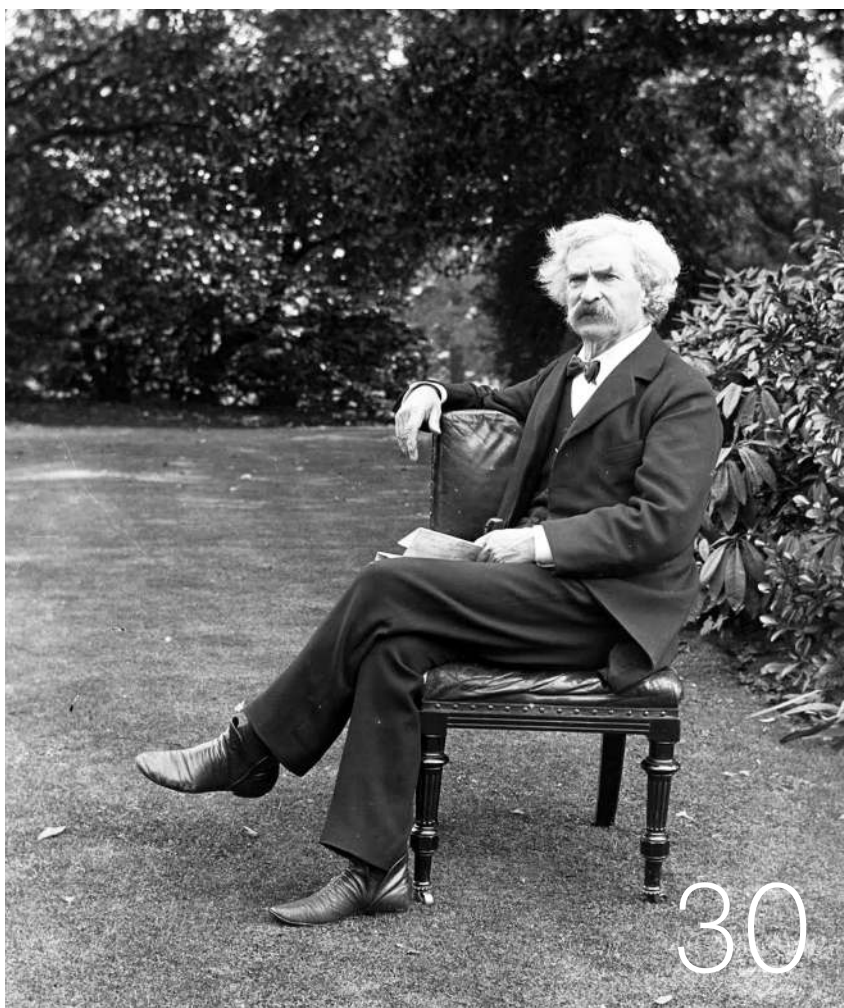
От истории татуировки
до грузинского авангарда

12 ВЕСНА БЛИЗКО

Третьяковская галерея
объявляет «Оттепель»

18 ДОКАЗАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

Ретроспектива
Герхарда Рихтера в Москве



36



22 ДРОЖЬ ЗЕМЛИ

Почему фильм «Землетрясение» — это важно

24 ОСАННА ОСАНКЕ

За что любили Владимира Зельдина

26 УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ

Алла Пугачева как сирена нового поколения

30 НА ДЕРЕВНЮ К ДЕДУШКЕ

Юрий Лотман — гуру русской словесности

34 ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Зима в объективе фоторепортеров

36 ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ

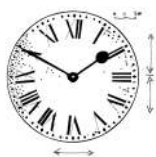
Пришло время пересмотреть свои взгляды на советский дизайн

44 КОРАБЛЬ «ВОСТОК»

Технологии, древности, красота и другие поводы поехать в Корею

52 ПЛЕМЯ НЕЗНАКОМОЕ

Современные дети достойны восхищения



25.11 — 19.02.2017

ВЫСТАВКА «РОМА АЕТЕРНА.
ШЕДЕВРЫ ПИНАКОТЕКИ ВАТИКАНА.
БЕЛЛИНИ, РАФАЭЛЬ, КАРАВАДЖО»

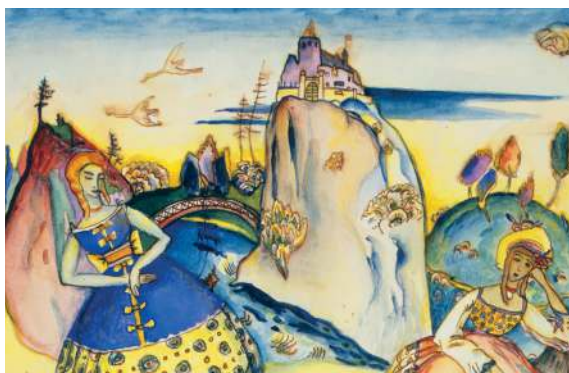
ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ / МОСКВА



08.12 — 12.03.2017

«ГРУЗИНСКИЙ АВАНГАРД:
1900–1930-Е. ПИРОСМАНИ,
ГУДИАШВИЛИ, КАКАБАДЗЕ
И ДРУГИЕ ХУДОЖНИКИ»

ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА / МОСКВА



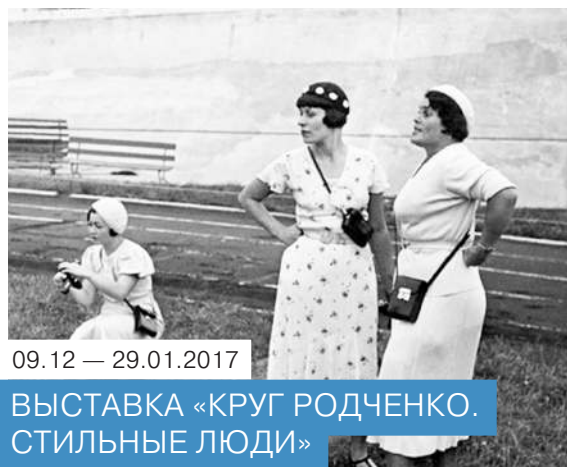
12.12 — 12.02.2017

ВЫСТАВКА ««БАГАТЕЛИ»
ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО»

ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА / МОСКВА

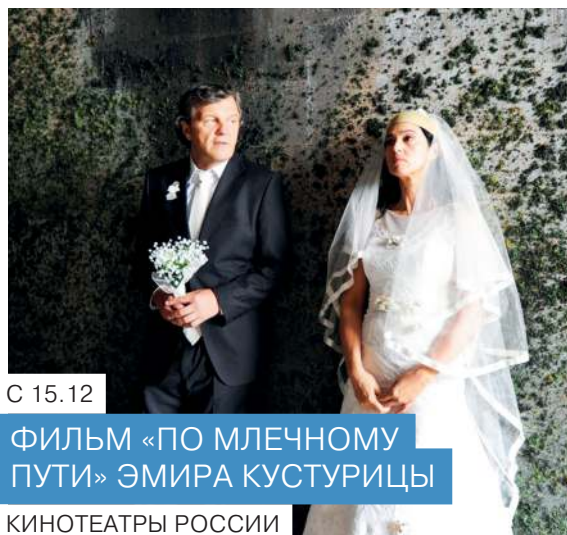
все флаги в гости

*От шедевров Ватикана
до инопланетян – самое интересное
уже рядом.*



09.12 — 29.01.2017

ВЫСТАВКА «КРУГ РОДЧЕНКО.
СТИЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ЮЖНОГО УРАЛА / ЧЕЛЯБИНСК

С 15.12

ФИЛЬМ «ПО МЛЕЧНОМУ
ПУТИ» ЭМИРА КУСТУРИЦЫ

КИНОТЕАТРЫ РОССИИ



16.12 — 31.03.2017

ВЫСТАВКА «МОСКОВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ»

МУЗЕЙ МОСКВЫ / МОСКВА



21.12 — 19.02.2017

ВЫСТАВКА «КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ПЕРЕД СНОМ: ЮРИЙ НОРШТЕЙН»

ГАЛЕРЕЯ НА СОЛЯНКЕ / МОСКВА



22.12 — 20.03.2017

ВЫСТАВКА «ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ»

РУССКИЙ МУЗЕЙ / САНКТ-ПЕТЕРБУРГ



С 26.01

ФИЛЬМ «МОЛЧАНИЕ» МАТИНА СКОРСЕЗЕ

КИНОТЕАТРЫ РОССИИ



С 26.01

ФИЛЬМ «ПРИТЯЖЕНИЕ» ФЕДОРА БОНДАРЧУКА

КИНОТЕАТРЫ РОССИИ



С 02.02

ФИЛЬМ «ВЕЛИКАЯ СТЕНА» ЧЖАНА ИМОУ

КИНОТЕАТРЫ РОССИИ



Рон Арад «Новый пинг-понг», 2008—2015

10 главных выставок зимы

*Фрэнсис Бэкон, история татуировки, грузинский авангард и другие
экспозиции со всего мира.*

ТЕКСТ: МАРИЯ КОМАРОВА

1



1 ФРЭНСИС БЭКОН: ОТ ПИКАССО ДО ВЕЛАСКЕСА

Когда: до 7 января

Где: Бильбао, Гуггенхайм

Пока за право выставить Бэкона бьются лучшие мировые музеи, его работы побивают ценовые рекорды на аукционах и продаются больше чем за 100 миллионов долларов. Его произведения, основная часть которых — портреты, привлекают коллекционеров трагичностью и эмоциональным накалом: плоть героев в них искажается, преломляется, демонстрируя духовное страдание и боль. Художник, чьи произведения часто считали провокациями, обожал Веласкеса, Ван Гога и Пикассо и проводил дни за разглядыванием их работ. Поиску культурных связей и посвящена выставка в Гуггенхайм Бильбао: 90 работ Бэкона представлены здесь вместе с произведениями французских и испанских живописцев.

2 ПИНА БАУШ И TANZTHEATER

Когда: до 8 января

Где: Берлин, Martin-Gropius-Bau

На выставке в честь Пины Бауш — одной из самых влиятельных хореографов второй половины XX века — становится понятно, что тело и танец способны рассказывать истории не менее выразительные, чем кино и литература, и что страдание можно передать только движениями рук. На выставке представлен архив Пины — записи ее спектаклей и декорации к ним — и создана комната для репетиций: артисты из танцевальной компании Бауш Tanztheater Wuppertal Pina Bausch предлагают зрителям разучить движения из ее самых известных спектаклей и попробовать рассказать свою историю телом.

2



3 КАНОВА И ТАНЕЦ

Когда: до 22 января

Где: Берлин, музей Боде

Когда смотришь на работы классика итальянской скульптуры Антонио Кановы, сложно поверить, что они из мрамора. Его герои застывают в причудливых позах, драпировки собираются в нежнейшие складки, в локонах можно рассмотреть каждый волосок, а руки, щеки, запястья и плечи отполированы так, что чудится: дотронешься — и они окажутся такими же мягкими и гладкими, как кожа. Квинтэссенция его работы — скульптуры танцовщиц, выставленные в музее Боде. Застывшие в танце, они стоят в круг в просторном зале: кажется, еще секунда, и пустанся в пляс.

4 РОН АРАД

Когда: до 1 февраля

Где: Москва, Gary Tatintsian gallery

Выставки одного из главных дизайнеров современности Рона Арада показывали Помпиду и МоМА, а теперь увидеть их можно в Москве — ретроспективу Рона привезла галерея Гари Татинцяна. Первая часть экспозиции — мебель Арада, в том числе его фирменные кресла космических форм из полированного металла, вторая — серия скульптур из сплюснутых автомобилей FIAT, а третья — интерактивный проект The Last Train — цифровой холст, на котором Арад пригласил порисовать художников Франческо Клементе, Энтони Гормили и Кристиана Марклея.



3



5 НЕСЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

Когда: до 5 февраля

Где: Екатеринбург, Уральский филиал ГЦСИ

Выставка уральского видеоарта 1990–2000-х в Центре современного искусства в Екатеринбурге — отражение двух актуальных в современном искусстве тенденций. Первая — внимание к локальным художественным сообществам, а вторая связана с организацией выставок: кураторы теперь приглашают художников работать в музейных архивах и заново интерпретировать их коллекции. В результате таких опытов в Уральском ГЦСИ вместо одной экспозиции получилась серия инсталляций — взгляд современных художников на потрясающе самобытный видеоарт двадцатилетней давности.

6 МАРИАНО ФОРТУНИ. ВОЛШЕБНИК ИЗ ВЕНЕЦИИ

Когда: до 26 февраля

Где: Санкт-Петербург, Эрмитаж

В Эрмитаже покажут любимые платья Айседоры Дункан, Пегги Гуггенхайм, героинь сериала «Аббатство Даунтон» и даже... Марселя Пруста — то есть творения венецианского дизайнера-революционера первой половины XX века Мариано Фортунни. Когда мода предписывала женщинам затягиваться в корсет, он создал платье Delphos — свободную тунику из плиссиро-

4



ванного шелка, которая не прятала женские формы, а показывала такими, какие есть, — под них не нужно было даже надевать белье. Delphos полюбились передовым современницам Фортунни, но дизайнер на этом не остановился: стал экспериментировать с тканями, создавать набивки и рисунки в средневековых техниках и даже запатентовал особый вид театральных декораций. Рядом с эскизами и платьями Фортунни расположатся средневековые гобелены, античная скульптура и восточная керамика из коллекции музея: кураторы предлагают угадать, чем вдохновлялся дизайнер.

7 ГРУЗИНСКИЙ АВАНГАРД: 1900–1930-е

Когда: до 12 марта

Где: Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина

В начале XX века Тбилиси был центром авангардных экспериментов, «маленьким Парижем». Культурная жизнь города кипела: артистические кафе устраивали поэтические турниры, театральные режиссеры ставили экспериментальные постановки, философы открывали институты, а художники ездили учиться в Париж и создавали авангардные полотна — их и можно будет увидеть на выставке в Пушкинском. В экспозиции работы Нико Пиросмани вместе с еще почти десятком художников, а также экспериментальное кино 1910–1920-х.

7



8



5



6



8 РОБЕРТ РАУШЕНБЕРГ

Когда: до 2 апреля

Где: Лондон, Тейт Модерн

Краткий ликбез по современному искусству — ретроспектива Роберта Раушенберга в Тейт Модерн. Карьера художника началась в середине XX века в США, и за шесть десятилетий он успел сменить несколько стилей — от концептуализма до поп-арта — и придумать новый вид искусства — соединение живописи, коллажа и скульптуры. «Картина лучше отражает реальный мир, когда она сделана из чего-то, взятого из реальности», — говорил художник, чье самое известное произведение — «Монограмма» — это чучело козы, продетое в автомобильную шину и стоящее на картине. Впрочем, есть у него и менее радикальные работы: Раушенберг создавал и скульптуры из светящихся неоновых трубок, и иллюстрации к Данте — его «Ад» художник перенес в наши дни, добавив репродукции из глянцевого журнала.

9 САЙ ТВОМБЛИ

Когда: до 24 апреля

Где: Париж, Центр Помпиду

Художник Дональд Джадд в 1964 году после посещения выставки абстракциониста Сая Твомбли сказал, что в его рисунках нет ничего особенного. Тридцать лет спустя, когда ретроспектива Твомбли проходила в нью-йоркском

МоМА, куратор экспозиции выпустил к ней поясняющую статью, озаглавленную «Нет, ваш ребенок не может сделать так же». Все это не помешало Твомбли стать одним из самых значимых художников XX века — все потому, что через абстрактные работы, цвет, ритм и композицию ему удалось передать весь спектр эмоций. Исследовать, как выразить ярость красными завитками, тоску — синими росчерками и недоумение — желтыми кляксами, можно на ретроспективе Твомбли в Тейт.

10 TATTOO

Когда: до 30 апреля

Где: Чикаго, Филдовский музей естественной истории

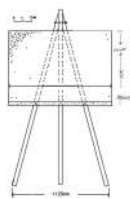
Самый древний экспонат — мумия 3300 года до н. э., на коже которой шестьдесят рисунков, а самый неожиданный — первая тату-машинка XIX века, запатентованная, оказывается, самим Томасом Эдисоном. Выставка показывает, как с течением столетий менялись техники нанесения, сюжеты и рисунки татуировок. А еще, по словам куратора, демонстрирует креативность рода человеческого. Среди любителей наколок были и паломники XVII века, которые делали татуировки на память о путешествии ко Гробу Господню (на выставке представлена печать, которой они наносили рисунки), и современные филиппинские художники, которые тысячами рисуют одни и те же узоры. 

9



10





весна близко

*В феврале в Третьяковской галерее
на Крымском Валу открывается
масштабная выставка
«Оттепель». Чего от нее ждать,
рассказывает ее куратор, заведующий
отделом новейших течений
Кирилл Светляков.*

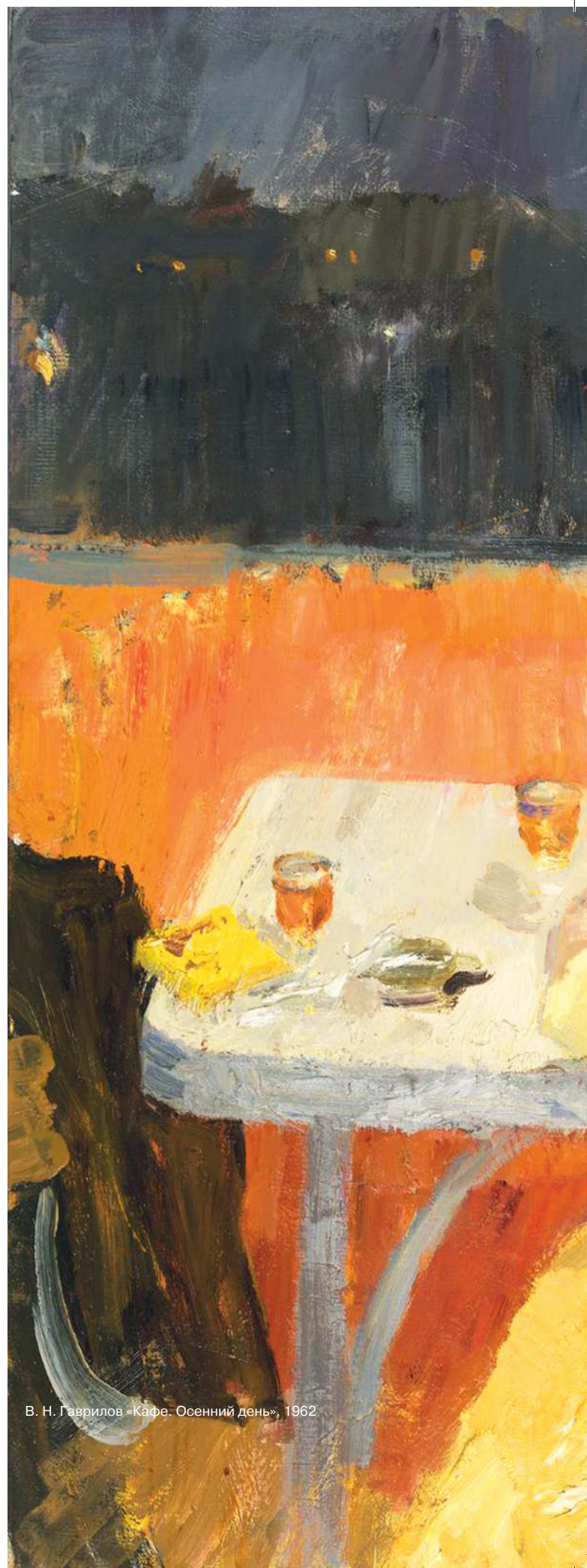
БЕСЕДОВАЛА ИРИНА МАК

На хрущевскую «оттепель» приходится всего несколько лет, причем все отсчитывают этот период по-разному, только первая дата совпадает — 1953 год.

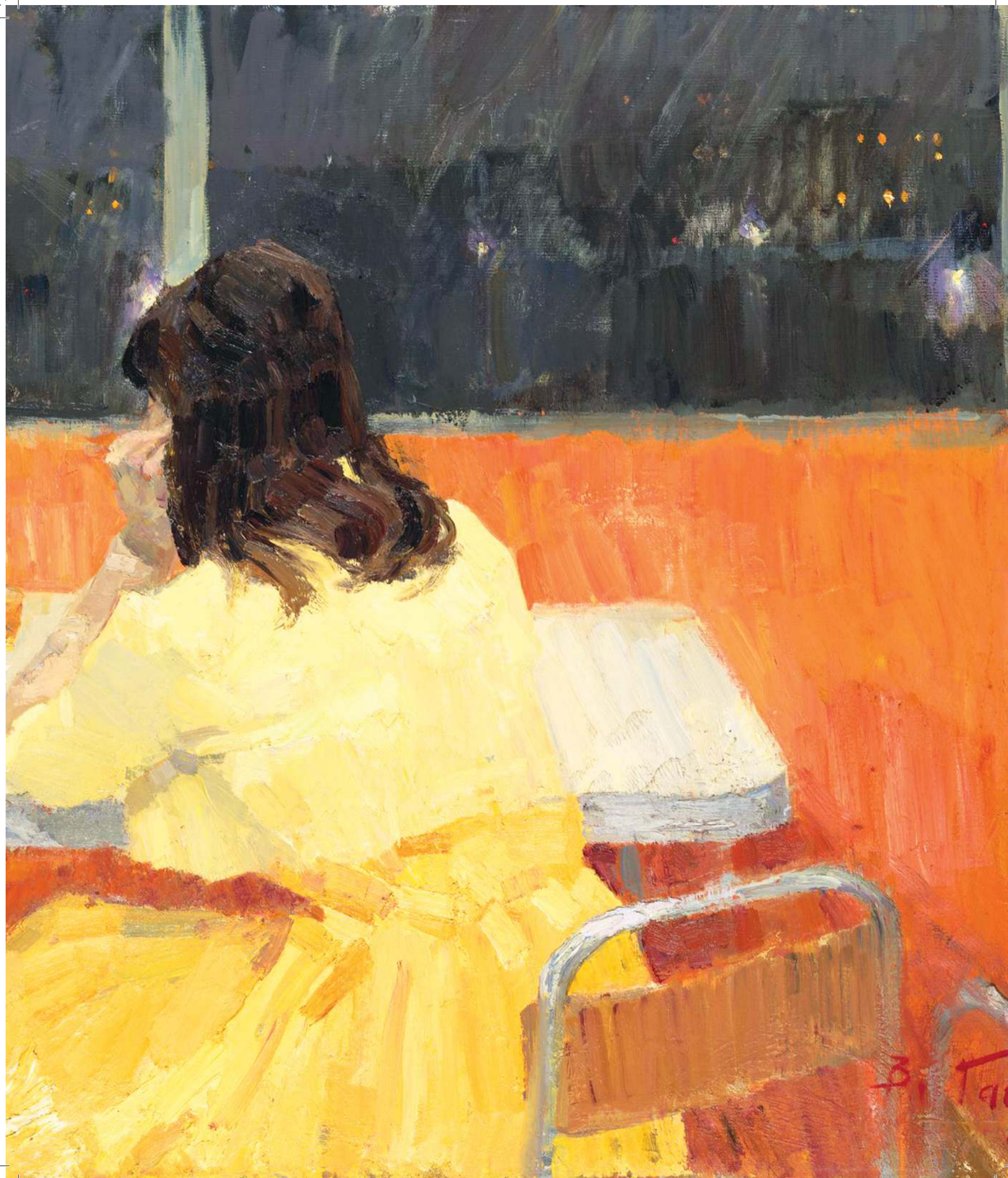
— Мы ограничиваем «оттепель» 1968-м. Единственная вещь на выставке, созданная в 1969 году, — картина «Тяжбуммашевцы» художника Ниеминена. На ней изображены рабочие в момент перерыва, и один из них читает «Литературную газету», в которой сообщается — это можно разобрать — о вторжении наших войск в Чехословакию в 1968 году.

— Я понимаю, что вы делаете упор на визуальный образ эпохи, но здесь же будет не только изобразительное искусство.

— Да, на выставке будет кино и киноафиши, архитектура, фотография, предметы дизайна, фарфор. Вся выставку дизайнер Владимир



В. Н. Гаврилов «Кафе. Осенний день», 1962





Кадр из фильма «Я шагаю по Москве», 1963



Кадр из фильма «Июльский дождь», 1966



Кадр из фильма «Застава Ильича», 1959

Плоткин проектировал как город — открытое пространство, пустой центр как форум. Это модернистская архитектура, характерная для «оттепельной» застройки, причем здесь Советский Союз выступал в общемировом тренде. У нас строили общедоступные горизонтальные «дворцы» с прозрачными стенами, которые противостояли сталинским ампирам. Как здание ЦДХ, которое проектировалось в «оттепельные» годы, а построено было в «застой», со свойственным 1970-м тяжеловесным декором. И вот что еще интересно — посмотрите «Я шагаю по Москве»: там нет никакой разницы между внутренним и внешним пространством. А теперь посмотрите на проект Николая Сукояна, построившего ЦДХ, — все прозрачное, вид на набережную. Сейчас одна из стен зала, где будет выставка, защита, но мы очень надеемся, что сможем на время хотя бы кусочек ее открыть.

Мы представляем «оттепель» как культурное явление. Первый ее раздел называется «Разговор с отцом» и посвящен двум главным трагедиям «оттепельного» поколения — травме войны и теме репрессий.

— **Травма войны — это живопись Коржева, Пименова, Корюкова. Скульптуры Вадима Сидура. Но существуют ли картины, посвященные ГУЛАГу, арестам?**

— Нет. И это проблема — визуального материала о репрессиях вообще довольно мало. В Институте русского реалистического искусства нам предложили картину Обросова 1967 года. И мы очень хотим взять картину Попкова «Звонок в дверь» — это известная вещь, но, как оказалось, ее трудно найти. Даже те, кто организовывал выставки Виктора Попкова, не знают, где эта работа сейчас.

— **Но фильмы, затрагивающие эту тему, все-таки есть? Сразу вспомнила «Чистое небо».**

— «Чистое небо» — это все-таки не совсем то: героя Урбанского не сажают, он становится социальным изгоем. Но есть «Тишина»

Владимира Басова. Из «оттепельных» вещей, в которых прямо говорится о репрессиях, мы взяли «Пять вечеров» — спектакль БДТ по пьесе Александра Володина, 1959 года. С этой эпохой вообще все интересно: выясняется, например, что популярный в 1970-х фильм «Большая перемена» — экранизация повести «Иду к людям», вышедшей в 1960-х. Но экранизировали ее в годы глухого застоя, все сгладив, превратив в лубок.

— **«Разговор с отцом» — это ведь отсыл к «Заставе Ильича»?**

— Конечно, и к «Девяти дням одного года» Ромма. Помните, в «Заставе Ильича» герой мысленно говорит с погибшим отцом? «Что ты мне посоветуешь?» — спрашивает сын. А отец отвечает, что не может ничего посоветовать, потому что сын перерос его. Вообще, логика конфликта определяет многое в «оттепельной» культуре. В частности, заблуждение молодых людей состоит в том, что они везде ищут и проводят линию фронта, поскольку не успели на войну.

Другой раздел — «Лучший город земли». Город — потому что урбанизация привела к тому, что городское население в стране превысило сельское. Этот тектонический социальный разлом пришелся на начало 1960-х. Он определил и характер человека, который еще не персонифицирован, и даже те, у кого появились свои квартиры, все равно живут в публичном пространстве. Плюс есть общность военной травмы и сталинской травмы, и уже появился Гагарин, который объединил всех.

В этом разделе есть работы замечательного графика-монументалиста Черемушкина, который увидел в «оттепели» «коллективное тело». Вообще, интересно, что при таком порыве к индивидуализации, который мы наблюдаем в «оттепели», портрет как жанр встречается довольно редко. Именно потому, что все-таки в человеке видят не его самого, а представителя поколения, профессии. Человека общего



Кирилл
Светляков

дела. Этот конфликт социального единения и индивидуализации как раз и определяет «оттепель», но тогда на этот запрос так никто и не ответил.

— В «Я шагаю по Москве» нет конфликта — так, недоразумения, которые решаются по ходу.

— Но там есть потрясающее чувство свободы. Такое ощущение, что Никита Михалков там проходит сквозь стены, потому что город — его дом. Но в первую очередь город — социальное пространство, и города на выставке очень много.

— Есть ли там главный фильм «оттепели» — «Июльский дождь» Марлена Хуциева?

— Конечно, тем более что это абсолютно подрывной фильм в плане кино. Помните, как они идут мимо кинотеатра и там висят афиши каких-то никому не известных картин? Хуциев как будто говорит: «Вы снимаете бездарные фильмы, а я делаю настоящее кино». И это видеоарт, который, по сути, Марлен Хуциев открыл — до него так не снимали. Говоря об «Июльском дожде», обычно проводят параллели с французской «Новой волной», но там часто рыхлые сценарии, у того же Годара. А «Июльский дождь», помимо прочего, еще и настоящая энциклопедия времени — мы можем себе представить его, посмотрев фильм.

— Мы пока касались официального искусства. Но в «оттепель» появляется неофициальное. И устраивается в 1962-м выставка в Манеже, на которой Хрущев заявляет, помимо прочего, что «все иностранцы — наши враги».

— Да, но Хрущев лицедействовал, играл обывателя от сохи. Он говорил: «Я из крестьян, я не понимаю, объясни, что за говно ты нарисовал». И Эрнст Неизвестный объяснял. У нас есть запись общения Хрущева с интеллигенцией из Архива кинофотодокументов, но со стертым звуком. Мы ее так и будем экспонировать.

— Вглядитесь в эти лица?

— Да-да, мы видим стол с бутылками, Хрущева со свитой, Неизвестный пытается им что-то объяснить. Художник за прилавком.

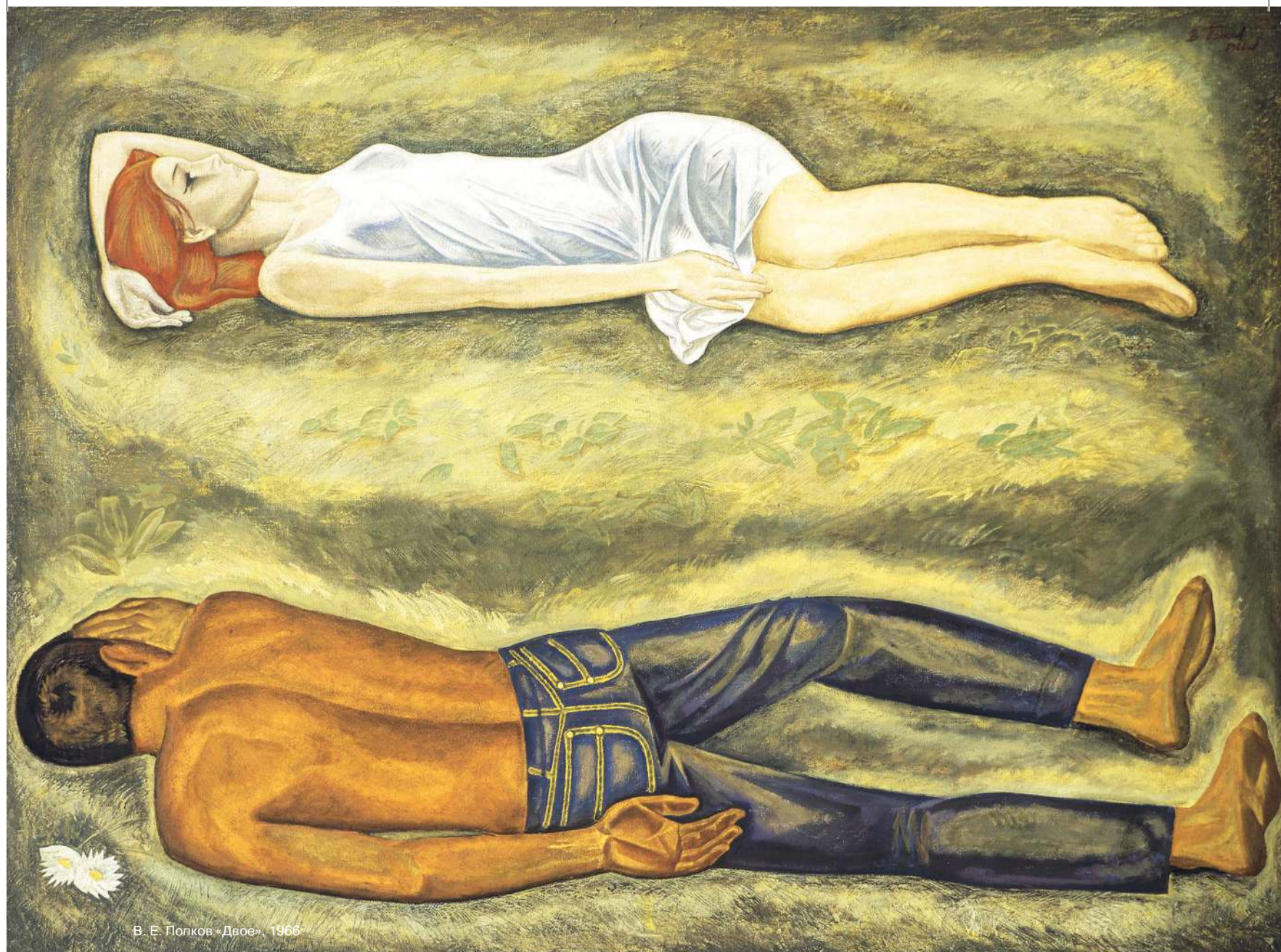
— Что такое «новый быт», помимо новостроев в Черемушках, минималистической мебели для «хрущевок» и перламутрового пылесоса?

— Что касается дизайна, то, конечно, он абсолютно модернистский, очень инфантильный... Часто «оттепель» сравнивают с тем же периодом в Англии, но то, что показывают в Музее Виктории и Альберта, — масскульт, который, впрочем, визуально выглядит очень мощно. У нас же масскульт выглядел не очень интересно. Зато много было интересных субкультур, контркультур, которые не взаимодействовали с массовой культурой, в отличие от той же Англии. И поэтому все эти культуры существовали отдельно и не пересекались. Это было время эстампов, которые вешали на стены, — такой вариант поп-арта, «искусство в массы» — и занавесок с потрясающими модернистскими принтами. Такие занавески, как на выставке, можно увидеть в фильме «Застава Ильича». Наши дизайнеры тогда придумывали вещи, которые в «Икее» делают сейчас. А производной от «нового быта» был новый человек. Это уже история про любовь. Хотя любви здесь не так много, но Попков, мне кажется, создал самую откровенную картину для того времени — «Двое».

— Что для вас «оттепель»?

— Когда я эту выставку вчерне представлял на ученом совете, я сказал, что коммунизм, в принципе, состоялся. Была страна, которую растащили в эпоху позднего «застоя» — каждый унес по своим потребностям. Из-за этого у людей и возникло ощущение остановки в застойное время — это была страна сбывшегося «счастья», и потому муссировалась «Сказка о потерянном времени». Вы понимаете, «оттепель» была очень модернистским проектом, но в постмодерн СССР войти не смог.

*Заблуждение
молодых людей
в том, что они
везде ищут и
проводят линию
фронта*



В. Е. Полков «Двое», 1966

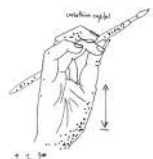
Постмодерн мы бурно пережили в «перестройку», не осознав его.

— **Почему сейчас та эпоха стала так популярна?**

— Простое объяснение состоит в том, что на волне успеха сериала «Оттепель» пиар-отдел Третьяковки предложил нам сделать такую выставку. И все вокруг тоже начали «стрелять» шестидесятыми — тема благодатная, не раскрученная на тот момент.

Кстати, в Москве одновременно с нашей будет еще две «оттепельных» выставки: в Музее Москвы — «Оттепель в Москве» и в ГМИИ им. А. С. Пушкина, о европейском искусстве

1945—1968 годов, — она сейчас путешествует по Европе и в Москве откроется в марте. И к ней, чтобы не «дербанить» посетителя, мы устраиваем общий образовательный фестиваль, в котором участвуют Музей Москвы, ГМИИ и парк Горького. Так что тема действительно популярна. И есть несколько факторов, определяющих сегодняшний интерес к ней. Один из них состоит в том, что мы снова оказались в эпохе, когда надо фильтровать, что говорить, а о чем промолчать, когда возникло противостояние свой — чужой. Людям надо на что-то опереться, и все хватаются за ту эпоху, когда после многих лет молчания вдруг стало можно говорить. 



ДОКАЗАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

Выставка «Абстракция и образ», открывшаяся в Еврейском музее и центре толерантности, впервые в России представляет творчество Герхарда Рихтера, самого знаменитого абстракциониста современности.

ТЕКСТ: ИРИНА МАК

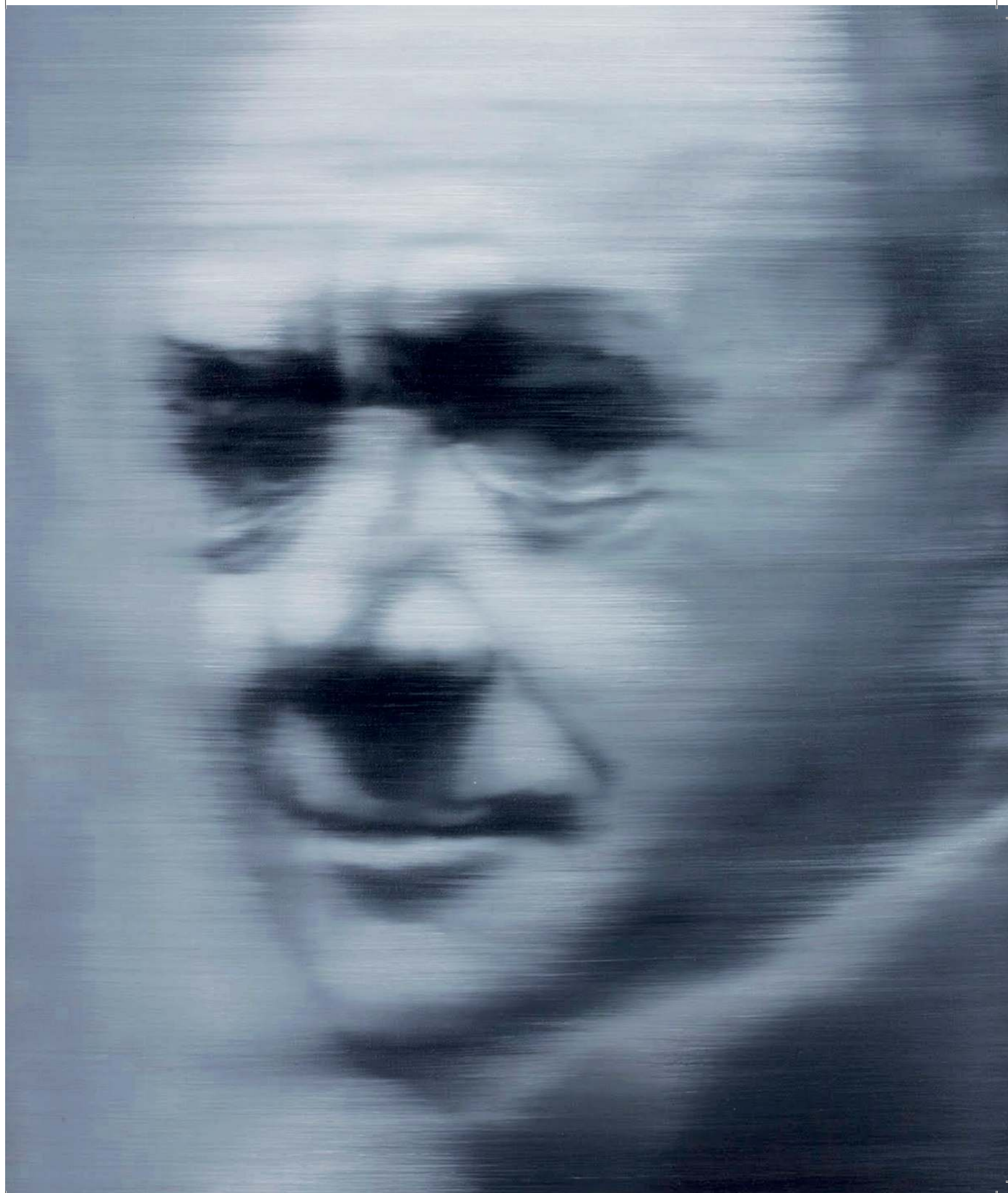
АРТ

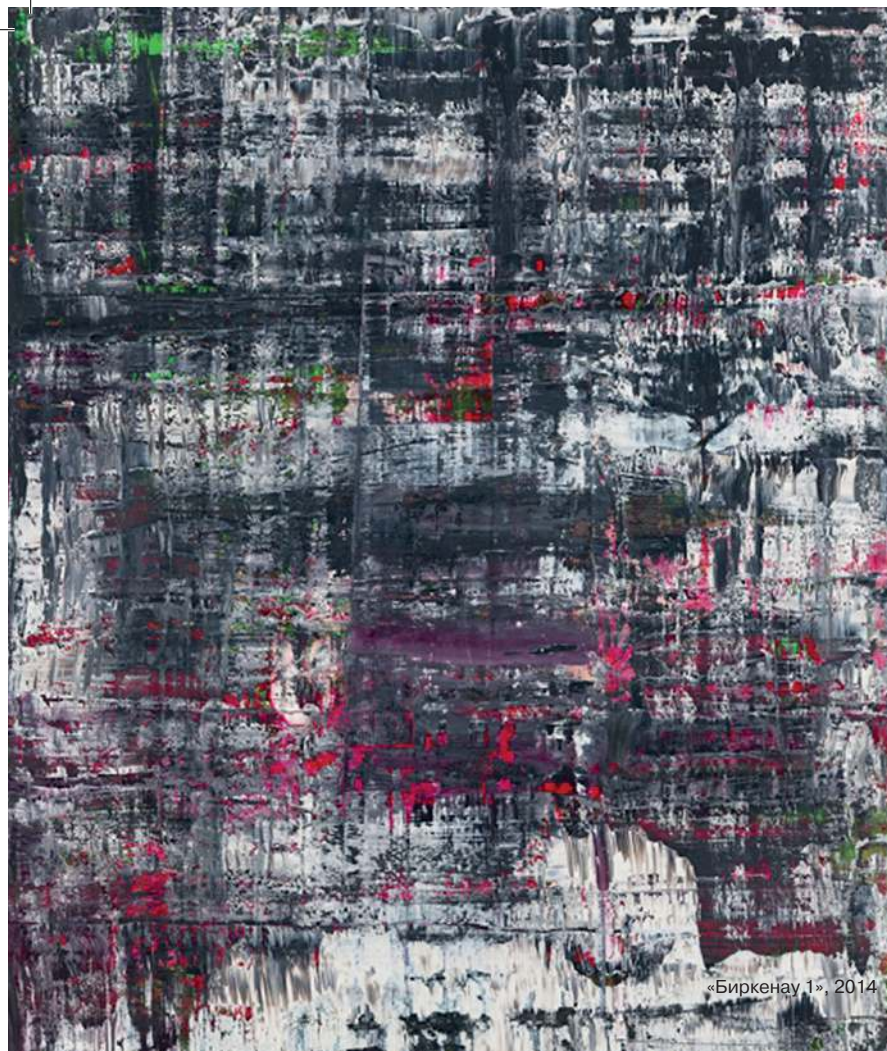
Рихтер, впрочем, уже бывал здесь — в молодые годы. В феврале 1961-го, заканчивая аспирантуру дрезденской Высшей школы изобразительных искусств, он отправился в учебную поездку в Москву и Ленинград. Это было обычное дело для представителя «братской социалистической державы», ведь Рихтер был гражданином ГДР. И начинал, конечно, как абсолютный традиционалист — его дипломная фреска «Радость жизни» (1956) в Немецком музее гигиены, изображающая безудержное веселье, на удивление многофигурна и тяжеловесна. Насколько можно судить о ней по черно-белой фотографии, поскольку цветной не сохранилось. Саму же фреску власти ГДР велели закрасить — после того, как в 1977-м Рихтер, уже живя на Западе (сбежал в 1961-м благодаря жене, гражданке ФРГ), публично осудил восточно-германский соцреализм. И когда при реставрации здания несколько лет назад возникла идея расчистить фреску теперь уже прославленного художника, сам он воспротивился: «Лучше потратить их на что-нибудь более ценное в художественном отношении. Это всего лишь студенческая работа».

Итак, соцреализм, усвоенный в студенчестве, отвратил Рихтера от реалистической традиции. К тому же он побывал в Касселе, на

знаменитой международной выставке *Dokumenta*, которая и сегодня представляет все самые авангардные течения в современном искусстве. На *Dokumenta II* в 1959-м абстрактная живопись была главным событием — Рихтер открыл ее для себя. И, перебравшись на Запад, пошел учиться в Дюссельдорфскую академию, где в то время уже преподавал и властвовал Йозеф Бойс. Это и повлияло на его профессиональный путь.

Судьбу его определили время и место рождения. Герхард Рихтер появился на свет 9 февраля 1932 года в Дрездене. Есть два его известных полотна 1965 года, основанные на снимках из семейного фотоальбома. На первом — оно называется «Дядя Руди» — мы видим офицера в нацистской форме, это портрет дяди художника. На втором Рихтер изобразил самого себя, младенца, на руках у тети Марианны — совсем юной, почти подростка. Страдавшая шизофренией тетя Марианна, как многие умственно неполноценные люди в Третьем рейхе, была подвергнута принудительной эвтаназии. И существует еще одна работа Рихтера, того же времени, «Герр Хайде», списанная с газетной фотографии — снимок был сделан в момент ареста нацистского невропатолога Хайде, отправлявшего на смерть психически больных людей.





«Биркенау 1», 2014



«Серый», 1973



«Агада», 2006



«Биркенау 4», 2014

Дядя-фашист и тетя-жертва — так Рихтер и жил с самого начала между двух огней. И хотя тот ранний, образца 1965 года, Рихтер, с как будто смазанными, изображенными не в фокусе, но все-таки опознаваемыми фигурами, очень отличается от себя современного, именно к старым его вещам апеллируют центральные работы на выставке — холсты, объединенные названием «Биркенау» (2014), и фотографии, сделанные во время работы над ними.

Эта история началась в 2003 году, когда в немецкой печати были опубликованы четыре снимка, сделанных в августе 1944 года тайком еврейским узником концлагеря Биркенау, состоявшим в зондеркоманде. Зондеркоманды создавались из зеков для уничтожения следов нацистских преступлений, прежде всего трупов. На снимках зафиксирована их страшная каждодневная работа — идеальная иллюстрация «банальности зла». Эти снимки стали отправной точкой при создании картин.

Тут следует объяснить, что для Рихтера, как и для многих современных художников, фотография — не конечный продукт. Скорее это побудительный мотив и источник темы. Художника с самого начала занимало соотношение реального и визуального, того, что существует, — и того, что видит глаз. Фотографический кадр в его представлении дает лишь иллюзию точности. Любящий комментировать каждый свой штрих, Рихтер утверждает: «Я не доверяю не реальности, о которой практически ничего не знаю. Я не доверяю несовершенной и выхолощенной картине реальности, что рисуют наши органы чувств».

Рихтер увидел те фотографии из концлагеря только в 2007-м. Семь лет ему потребовалось, чтобы приступить к перенесению их на полотно. Почти год работы был зафиксирован фотокамерой, и сегодня благодаря этим снимкам мы можем судить о том, что Рихтер хотел сказать — и что в итоге сказал.

На четыре огромных, 260X200 см, вертикальных загрунтованных холста художник проецировал слайды реальных снимков, причем

два из них перевернул в проекторе, чтобы изображение было зеркальным, и углем наносил рисунок. После чего работал белым и черным маслом, как бы воспроизводя монохромные черно-белые кадры. К июлю 2014-го он с этим покончил — изображение, пусть и весьма схематичное, еще можно было узнать, вычленив на холстах трупы, людей, деревья. Потом все исчезло, смешалось под мощными цветными мазками. Вместе с плотной фактурой серого (любимый цвет Герхарда Рихтера, работа 1973 года на выставке так и называется — «Серое») яркие всполохи зеленого, розового и белого как будто замаскировали подробности, закрыли их.

Но и это был не конечный результат. К сентябрю 2014 года все снова изменилось,

теперь линии шли по холстам вверх и поперек, лишняя краска была где-то вдавлена в холст, в других местах ратерта или уложена слоями с помощью скальпеля. Уже совсем ничего тут не осталось фигуративного, но расположение линий создает пусть рваный, но странно логичный, четкий ритм, который, кажется, усиливает драматизм и ощущение трагедии, — мы почти слышим эти картины, как

музыку, достигая почти музыкальных глубин.

Когда у Рихтера спросили, зачем он написал «Биркенау», он признался, что сделал это, чтобы «доказать самому себе, что это было невозможно». Это — Освенцим, который настолько невозможен, непредставим, что изобразить его нельзя.

После такого объяснения трудно трактовать эти работы иначе — мы точно знаем, о чем идет речь. У случайного зрителя, возможно, будут иные впечатления. Ведь и в исходных документальных снимках 1944 года нам только кажется, что мы точно видим реальность и узнаем сюжет. Не очень четкие, сделанные исподтишка, явно второпях и из неудобного положения, эти кадры демонстрируют такие странные ракурсы, что даже сваленные друг на друга трупы, из которых сложен погребальный костер, могут показаться невинной кучей угля. Если не знать контекст. 

*На снимках —
работа
зондеркоманды.
Идеальная
иллюстрация
банальности зла*



6 декабря
2016

дрождь земли

Драма на все времена в фильме Сарика Андреасяна «Землетрясение».

ТЕКСТ: АННА ГРАЦИАНСКАЯ

Снятый с высоты заходящего на посадку самолета город, который осыпается, как замок из песка, — зрелище настолько мощное, что ради него можно пренебречь здравым смыслом. С чего бы вдруг обычному пассажирскому борту садиться в самое пекло, туда, где земля

раскалывается и встает дыбом? Но ход истории у режиссера Сарика Андреасяна и продюсера Рубена Дишдишяна важнее мелких нестыковок. На том самолете в армянский Ленинакан возвращается архитектор Константин Бережной — канонический персонаж Константина Лавроненко, благородный,



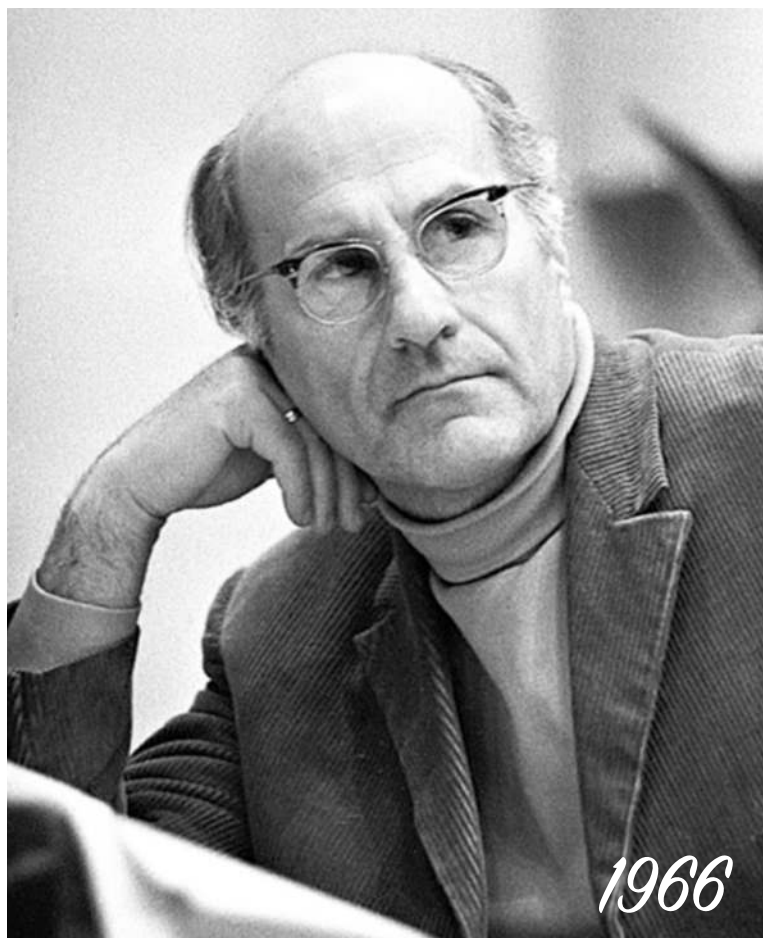
интеллигентный, brutalный, нежный муж и заботливый отец. Он был бы человеком не только без страха, но и без упрека, если бы семь лет назад в беспросветном горном тоннеле почти лоб в лоб не столкнулся со встречной машиной. Остались живы он да ставший сиротой десятилетний мальчик. Теперь Бережной возвращается в город на встречу к жене (Мария Миронова), дочке и сыну. А возмужавший мальчик жаждет посмотреть в глаза убийце своей семьи. Тем временем город обращается в пыль, и тут уж не до семейных разборок.

Фильмы-катастрофы в конечном итоге всегда про семью. Спасает ли Том Круз планету в «Войне миров» или Владимир Машков и Данила Козловский ведут самолет сквозь пепел и лаву в «Экипаже», все трое, проявив себя героями, налаживают главную связь — с детьми и родителями. «Землетрясение», к тому же снятое набившим руку на семейных комедиях, вроде «Мамы» и

*Тем
временем город
обращается в пыль,
и тут уж не до
семейных
разборок*

«Что творят мужчины!», Сариком Андреасяном, — не исключение. Помимо убийцы и жертвы, тут есть отец, проклявший дочь за то, что забеременела до свадьбы (мудрая и миролюбивая жена на его гневное «Я за тобой три года ухаживал» улыбается: «Может, не так ухаживал?»). Тут вообще есть все, что предполагает жанр большого фильма-катастрофы, — эпичные разрушения и множество маленьких человеческих трагедий. Но есть то, что ни Голливуду, ни даже «Экипажу» не удастся, — ощущение, что все это происходит с родными тебе людьми. И привычная уже ремарка «основано на реальных событиях» тут не просто набор букв. В 1988 году, когда землетрясение разрушило Ленинакан и вообще половину Армении, на помощь прилетел весь мир. И ни один оставшийся сиротой ребенок не попал в детский дом, подчеркивают авторы фильма и создают, пусть местами неуклюжий, но остро необходимый памятник гуманизму. 

ПРЕМЬЕРА



1955



Осанна осанке

ТЕКСТ: АЛЕКСЕЙ БЕЛЯКОВ

В июне 1941 года съемочная группа собиралась из Кабардино-Балкарии в Москву. Были отсняты все сцены в горах, теперь «Свинарке и пастуху» предстояло встретиться в павильонах «Мосфильма». И прямо в аэропорту все услышали: началась война. Двадцатипятилетний Владимир Зельдин отправился на призывной пункт. Его определили в танковую школу, что, честно говоря, было странно: танкисты — люди приземистые, а Зельдин был статным и высоким. Свою знаменитую осанку держал до смерти. Но залезть в танк ему не довелось. Правительство выпустило специальный указ — продолжать съемки. Идея, очевидно, была простой: во время войны очень нужны счастливые фильмы. О любви, благородстве, верности.

И слава обрушилась на Зельдина в разгар войны. Горячего красавца пастуха Мусаиба полюбили все советские женщины. На самом деле женщины и выбрали его на эту роль. Дело было так. Зельдина привела ассистентка Пырьева, накануне она увидела актера в спектакле Театра транспорта (ныне Гоголь-центр), где тот эффектно играл грузина. Но режиссер сомневался и решился на «соцопрос». Собрал всех женщин из съемочной группы и показал пробы всех актеров на роль Мусаиба. Женщины дружно сказали: «Только Зельдин!»

Но в итоге снимался он редко — слишком уж фактурная внешность, только для графа или важного иностранца. Зельдин был предан Театру Советской армии, в котором служил с 1945 года до самой смерти. Сменялись эпохи, умирали вожди, уходили и приходили актеры и режиссеры — а Зельдин грациозно выбегал на сцену, и женщины ахали: «Какая осанка! Таких мужчин больше нет!»

Его верная жена Иветта признавала: да, человек непростой, ему надо служить, но это ведь честь и счастье. Они прожили вместе полвека, познакомились, когда Зельдину было уже сорок семь, и родители юной актрисы Иветты ахнули: «Совсем старик!» Но, увидев «старика» поближе, успокоились. Иветта и Владимир так сроднились, что все считали их вечной парой. Вечной и идеальной. Никогда никаких сплетен о Зельдине не было, ни одной. Благородство — оно не только в осанке.

Верная Иветта говорит, что за полвека Зельдин совершенно не изменился. Всегда подтянутый, деловитый, пунктуальный. Конечно, старел. Но он никогда прилюдно не жаловался на здоровье, всегда был джентльменом. Не курил и вообще не пил, но это как раз не главное. Главное — сам по себе, спокойный и выдержанный. И еще он был остроумным человеком. Однажды его пригласили выступить на юбилее одного из московских театров. Худрук провел с Зельдиным «инструктаж»: лучше не танцуй, а то упадешь, лучше не двигайся, а то еще сердце схватит... Зельдин поднялся и насмешливо произнес: «Я, может, и старый, но все-таки не идиот». 🇷🇺

2004

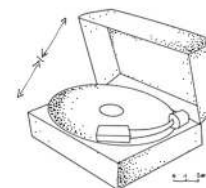




учительница первая моя

*Алла Пугачева, певшая хулиганские песни о неподчинении школьным
порядкам, стала рупором первого свободного поколения.
Самое время вспомнить ее уроки.*

ТЕКСТ: АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ



Концерт в Таллине, 1978

Эстрада второй половины 1970-х была конвейером, бесперебойно поставлявшим песни на все времена, и советская не была исключением. Однако, когда пятнадцать лет назад телевидение накрыла ностальгия по тем годам, многие драгоценности пришлось откапывать и начищать заново — их оттеснила и полностью накрыла шквальная волна песен Аллы Пугачевой. Как реальный музыкальный ряд семидесятых, так и воспоминания о нем утыканы ее хитами, как звездами — небо августа. В конце десятилетия нередко случалось, что десятка главного тогда музыкального хит-парада газеты «Московский комсомолец» состояла из восьми, а то и девяти песен этой, одной-единственной исполнительницы.

Даже если учесть музыкальную щедрость эпохи, даже если помножить расцвет сил тридцатилетней артистки на ее работоспособность и готовность почти всех авторов служить ей, остается вопрос: как в условиях, когда каждая поступающая на радио и тем более телевидение песня проходила придирчивый отбор идеологических комиссий, артистка за два с половиной года так плотно укомплектовала своими записями эфир? Впервые она появилась на телеэкране в июле 1975 года, причем не в местной передаче, а в записи заключительного концерта конкурса «Золотой Орфей» в Болгарии, где стала победительницей. А уже в феврале 1978-го ее дебютный альбом «Зеркало души» разлетелся, как долгожданный, в том числе и потому, что именно этими песнями целый год жила страна. Двойной альбом пришлось догонять пластинкой «Арлекино и другие», где артистка свалила в одну кучу, от цыганщины до рок-медитаций, хиты, не влезшие в дебютный сборник. Даже Земфира, годами вымещавшая в песни всю свою иногороднюю неприкаянность, не имела такого багажа к моменту, когда пришел ее час.

Секрет Пугачевой, оказывается, прост. Из семнадцати песен «Зеркала души» только две не были созданы и записаны для кинофильмов. Другое дело, что сами картины — «Баскетболисты», «Повар и певица», «Отважный Ширак» — даже тогда никто не видел, другие же — «Центровой из поднебесья», «Фантазии Веснухина» — если и привлекли к себе мимолетное внимание, то только потому, что рекламировались как фильмы «с песнями Аллы Пугачевой». В кино тогда было много волокиты, и, пока картину дублировали и дожидались очереди в общесоюзный прокат, Пугачева уже успевала присвоить и раскрутить саундтрек как свой эстрадный лирический монолог.

Когда летом 1977-го на телеэкранах появился в таджикской киносказке «Отважный Ширак» маленький олух-джинн, который «делал все кое-как», то для немногих увидевших картины ребят он просто повторял знаменитый шлягер Аллы Пугачевой, хотя в действительности все было наоборот. Вся страна уже пела «Звездное лето», прежде чем одноименная армянская кинолента о пацанах, убежавших из пионерлагеря и прихвативших с собой французского мальчика, добрела до экранов страны. А песенку проваливших выпускные экзамены повара

и певицы из одноименной таджикской ленты «Если долго мучиться, что-нибудь получится» Пугачева успела представить на киноэкранах в собственной псевдобιοграфической киноленте «Женщина, которая поет».

И тут мы уже переходим от количественной к качественной составляющей «эффекта Пугачевой». Что звучит песня из кинофильма, упоминалось неслучайно, не с целью соблюдения авторских прав или рекламы заведомо провальных кинокартин. Причина в том, что в кино и на эстраде работали разные худсоветы. Одно дело — эстрадная песня: сцена почти что трибуна, и тут к тексту, с которым обращается к народу исполнитель, высокий и придирчивый счет. Другое дело — кино. Герой фильма ведь может быть совсем не положительным персонажем, и песня всего лишь его характеристика. Если перед нами комедия, цель такой песенки — сатира. Если детский фильм-сказка — характеристика сомнительной личности, может даже злодея. Пугачева особенно много записывала песен для детских фильмов. Их героями были лоботрясы, фантазеры, прогульщики, да хотя бы тот же джинн-олух. Им разрешалось, даже было положено распевать такое:

«Полно вокруг мудрецов,
и они все советуют,

Умру, в конце-то концов,
я, наверное, от этого!

Была во все времена, повторяю я снова
и снова,

Такая мудрость нужна только тем, кто рожден
безголовым,

А мне, говорю вам я, дана голова своя,

И как мне на свете жить без вас я могу
решить!»

И совсем другое дело, когда это, от всей широты своей души и голоса, распевает «лауреат советских и международных конкурсов, заслуженная артистка РСФСР», чей красный балахон поселился в нашем сознании по соседству с алым стягом. Однако именно это лауреатка и транслировала, стоило опустить иглу на виниловый край «Зеркала души». А еще — что «мудрых преподавателей слушал я невнимательно, все, что ни задавали мне, делал я кое-как». И что «шаман живет в глухом краю, но я туда билет достану, шаману денег посулю, и он ударит в бубен старый». А традиционный конкурс

детских рисунков в еженедельной передаче тети Вали Леонтьевой «В гостях у сказки» шел под песню «Пусть рисунок на другие не похож, пусть художником не станешь — ну и что ж? Ошибайся, сомневайся и рискуй, но всегда и все по-своему рисуй», и дети не думали, что это поет горе-рисовальщик Веснухин, дети знали, что так им советует сама Алла Пугачева.

«Только дети меня и любят», — говорила в интервью Пугачева, когда ее в очередной раз уличали в вульгарности, безвкусице, даже истерике, которыми порой не только кажется, но и поначалу является первопроектирование. Еще бы: с самой высокой трибуны — телеэкрана — она спорила с тем, чему учат в школе с ее дисциплиной, единой программой, колхозами, пионерскими речовками и прочими проявлениями патриотизма. Даже трюк, которым она пользовалась, чтобы протаскивать свой репертуар, был достоин школьного хулигана: Пугачеву выпускали к микрофону с разрешением киношного худсовета спеть песенку персонажа из детского фильма, а вот подходила к микрофону уже она сама и исполняла эту самую песенку как свой лирический монолог. В нем было много сказочного, того, что так любят дети, — шуты, шаманы, короли — и повторявшийся на все лады, но по сути неизменный навет:

живи своим умом, поступай как душе угодно,
люби по велению сердца.

Пугачеву нельзя было не услышать еще и потому, что с телеэкрана она обращалась именно к тебе. То, что она так высоко взлетела и затмила всех, объясняется в том числе и тем, что она первой оценила, что работает в эпоху телевидения. Концертное выступление Пугачевой, в отличие от всех тогдашних наших исполнителей, ориентировано не на зал, а на камеру. Невероятно, но она режиссирует внутрикадровый монтаж прямо во время исполнения песни, не сходя с места.

Она знала о специфике телесъемки больше других, потому что сразу пошла нарасхват у зарубежного телевидения, где камерами пользовались более гибко и подвижно. На концерте «Голоса друзей» в ГДР оператор вдруг вскочил на сцену. Страшно интересно смотреть, как Пугачева сперва просто заигрывает



Альбом
«Арлекино и другие»



Алла Пугачева и Александр Хочинский, кадр из фильма «Женщина, которая поет», 1979

с камерой, а потом, догадавшись, что через объектив на нее смотрит каждый из многомиллионной аудитории телезрителей, оборачивается к камере спиной и, удаляясь, бросает слова через плечо, что соответствует тексту песни «Жизнь может продолжаться и без тебя». Даже на открытии Олимпиады-80 она нимало не заботится о зале: пока кордебалет работает на зал, она совершенно спокойно убеждает камеру справа, что «просто из года в год нам петь одно и то же, но свой голос сохранить так порой непросто». Возможно, она оставляла в недоумении несколько сотен зрителей в зале, но зато в один и тот же миг входила в дома десятков миллионов. И последний шарик «Звездного лета» из тех, что она дарила залу «Песни-79», доставался камере, к объективу которой она прикручивала надувную игрушку тренированным жестом опытной телевизионщицы.

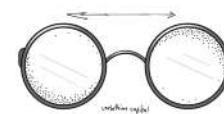
Творческая самостоятельность об руку с прогрессивной технологией — ранняя Пугачева выглядит гостьей из будущего, идеальным педагогом нашего времени, когда выдумки фантазеров из Кремниевой долины показывают себя более долгосрочным вкла-

дом, чем нефть. Стали ли дети, росшие на песнях Пугачевой, поколением изобретателей? Во всяком случае, они оказались поколением, которое встретило такой тектонический сдвиг, как крах СССР с доброжелательным приемом, многие — как долгожданную необходимость. Потому что, перестав охранять мир, навязанный в наследство, они получили шанс воплотить мечты о своем собственном.

Свою последнюю песню для детского фильма, «Сирену», Пугачева записала для картины «Выше радуги». Эта двухсерийная лента, где впервые прозвучал фальцет Преснякова с «Зурбаганом», была гимном полету фантазии начитанных и романтических старшеклассников. Хотя картина о головокружительности подростковой свободы не содержала даже намеков на политическую подоплеку, на нее легла тень светлого пророчества. За два месяца до ее первого показа Горбачев прочел свой доклад на XXVII съезде КПСС, по телеэфиру разнеслось слово «перестройка», и Пугачева стала ее сиреной.

Миссия была выполнена. Период тепличного созревания подошел к концу: впереди ждала жизнь на семи ветрах. В кино Пугачева больше не играла. 





на деревню к дедушке

Что сделало Юрия Лотмана кумиром филологов, а городок Тарту – столицей русской мысли?

ТЕКСТ: АЛЕКСЕЙ БЕЛЯКОВ

В 1984 году мой приятель-однокурсник вдруг сообщил: «Скучно тут у нас, поеду в Тарту, к Лотману». Мы учились на филологическом факультете Московского пединститута, который в те времена считался очень сильным. Конечно, я знал имя Юрия Лотмана, у меня была его книжка с увлекательными комментариями к «Евгению Онегину». Но чтобы вот так — вдруг бросить Москву, солидный вуз и помчаться в маленький Тарту, только потому, что там Лотман? Нет, странная затея. Так мне казалось тогда.

Конечно, я был молод и глуп. Лотман — не просто замечательный филолог и культуролог, не просто профессор Тартуского университета. Лотман — сам по себе университет. Солнце русской гуманитарной науки, если выражаться высокопарно. Так уж издавна устроена русская наука — устремляются не в учреждение, а к человеку. Светилу. Физики с уважением говорят: «Он работал у Капицы». И совершенно не важно название института. Так и с Лотманом. Даже больше: во многом он сделал Тартуский университет мировым «брендом».

Однако по порядку. Лотман — из очень интеллигентной петербургской семьи, где главными развлечениями были чтение и музицирование. Еще Юра очень неплохо рисовал и, возможно, мог бы стать известным художником. Еще он превосходно знал родной Питер, о каждом доме мог рассказывать целые истории — кто архитектор, что за стиль, почему именно такие окна и двери, что это значит... И тут был первый шаг к его любимой науке семиотике, о чем немного позже.

Он поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Но со второго курса его призвали на военную службу. Шел 1940 год, и восемнадцатилетний Юра еще не подозревал, что вернется в университет лишь через шесть лет.

Он был связистом в артиллерии. Прошел всю войну, закончил ее в Германии. Близким потом признавался: было по-всякому, иногда очень страшно, а иногда вдруг двигался прямо, глядя смерти в лицо. Тощий Юра, еврейский интеллигентный мальчик, ползал в грязи, среди взрывов, протягивая провода, налаживая связь. Рассказывал, посмеиваясь, случай,

ЛИЧНОСТЬ

как однажды искал обрыв провода и столкнулся с зайцем. Тот ошалел от взрывов и метался из стороны в сторону. Лотман исподволь сравнивал себя с тем несчастным зайцем, попавшим в самое пекло.

В 1944 году его наградили орденом «За боевые заслуги». Мотивировку из приказа стоит привести: «В этом бою тов. Лотман, рискуя жизнью, лично три раза восстанавливал перебитую линию связи. Будучи оглушен разрывом снаряда, продолжал оставаться на линии, благодаря чему на протяжении всего боя было обеспечено бесперебойное управление огнем батареи. Во время исправления линии в этом же бою задержал крупного немецкого шпиона».

Европейские профессора, которые спустя годы боготворили Юрий Михайловича как ученого, присваивали ему награды и научные степени, ничего не знали о таком Лотмане. А сам он никогда не рассказывал.

И конечно, ему сказочно повезло. Проведя всю войну на передовой, Лотман ни разу не был ранен. Слово ангел хранил щуплого сержанта.

Демобилизовался Лотман лишь в 1946 году. И сразу восстановился в университете. Он получил место преподавателя в Тартуском педагогическом институте и с радостью уехал в маленький эстонский городок. Важно помнить: был разгар борьбы с «космополитами», а если по-простому — разгул антисемитизма. Да, Лотман — герой войны, занимается культурой конца XVIII — начала XIX веков, вроде какое до него дело? Но чем дальше от столиц — тем спокойнее. Так Лотман поселился в Тарту, который навсегда теперь связан с его именем. Больше от науки его ничто не отвлекало.

Впрочем, нет! Как же! Он влюбился в красавицу Зару Минц, работавшую в том же институте. Она писала диссертацию по детской литературе. Знакомство их было не самым

приятным. Зара была активисткой-комсомолкой и искала художника — нарисовать какие-то плакаты. Ей указали на Лотмана. Тот нехотя выслушал и сказал: «Я могу нарисовать, но это же работа. Мне заплатят хоть сколько?» Зара вспыхнула и, как вспоминают друзья, назвала Лотмана «усатой сволочью».

А вскоре «усатая сволочь» Юра принялся ухаживать за Зарой. Тут, видимо, помог военный опыт. Когда ему надоело выслушивать ее уклончивые ответы, он просто заявился к ней домой и потащил в загс. Как того самого «шпиона». Она даже одеться толком не успела, но и противиться напору Лотмана не могла. Так и расписались, быстро, на всю жизнь. Это была очень счастливая пара. Счастливая и страстная. Они вечно ссорились: два филолога в одной берлоге с трудом уживаются. Но какие длинные и церемонные письма писал Юрий Михайлович своей Заре. Когда, скажем, она с детьми уезжала на лето на дачу. Если читать их, не зная автора, можно подумать — какой-то забытый романтический автор XVIII века. Они очень любили друг друга.

При этом проблемы быта их совершенно не волновали. В их доме не было горячей воды, топили дровами, а телефон появился лишь в конце восьмидесятых, когда двум пожилым людям он уже стал необходим. К ним всегда приходили просто так, без приглашения. Нет, никакого панибратства. Лотман был чрезвычайно интеллигентным человеком, даже студентов стремился называть по имени-отчеству. Он носил шляпу, и если встречал знакомого на улице (а в Тарту были сплошь знакомые), то изящным старомодным жестом чуть приподнимал шляпу — в знак почтения.

О бытовой неустроенности Зары и Юры ходили легенды. У них было трое сыновей. Когда мальчишки были еще маленькими, с ними возились все преподаватели и студенты

*Лотман
исподволь
сравнивал себя
с зайцем, попавшим
в самое
пекло*

филфака. Один из друзей вспоминал, что Зара могла сказать гостю: «Мне надо на семинар, покорми ребят манной кашей!» Гость открывал кухонные шкафы — никакой манки. Бежал в магазин, покупал. Супругов боготворили, для них готовы были сделать что угодно. Лотмана между собой все называли кратко — Юрмих.

Старший сын Зары и Юрия тоже стал семиотиком, средний — художником, младший — биологом. Все живут в Эстонии.

Так что такое совершил Лотман в науке? И что такое семиотика? Попросту говоря, это наука о знаках. Каждое явление, атрибут одежды, деталь интерьера — это знак. Надо уметь его увидеть, расшифровать и понять, что он значит в системе. Один из коллег Лотмана шутливо объяснял семиотику так. Когда случались советские парады-демонстрации и все Политбюро выстраивалось на мавзолее, лотмановцы внимательно изучали: кто где стоит, в каком отдалении от вождя. Потому что место каждого сановника на трибуне — знаковое, тут строгая иерархия. И что означает, если один вдруг стоит ближе, а другого отдалили?

В 1991 году эстонское телевидение записало цикл бесед Лотмана о русской культуре. И огромное спасибо, что они успели это сделать. Все беседы есть на YouTube, посмотрите, не пожалеете. Например, одна из них посвящена формам общения. В России XVIII–XIX века была жесткая структура, заложенная еще Петром и его Табелью о рангах. Все было продумано до мелочей, которые нам сейчас кажутся несущественными. Скажем, как надо обращаться к статскому советнику или титулярному советнику? Не дай бог перепутать! Это важнейшая знаковая система. Возьмем хотя бы Хлестакова, поясняет Лотман. У него низший, 14-й, ранг — коллежский регистратор. К ним требовалось обращаться «ваше благородие».

Когда Хлестаков выпивает и начинает врать, то сообщает, что ему на пакетах пишут «ваше превосходительство». Это значит, что дурак и хвастун возвел себя сразу в 3-й или 4-й ранг. Совершенная наглость. Современникам это было понятно сразу, потому что каждый жил в той знаковой системе. Нам же — не очень.

Лекции Лотмана прекрасны и тем, что он говорит очень простым языком. Он очень хороший рассказчик, никаких внешних эффектов и завываний в духе Радзинского. Когда ты слышишь обаятельного, энциклопедически образованного человека — тебе не требуется актерство. Он и студентам читал так же, еще и поэтому его любили. Ну и конечно, знаменитые усы Лотмана! Которые он неспешно поправлял во время лекций. Он отрастил их после войны. Сколько про них было шуток, сколько карикатур. Лотмановские усы пора, наверно, поместить на гербе Тарту, они того заслужили.

В 1990 году Зара отправилась в Италию, где ей сделали успешную операцию на ноге. Лотман, конечно, был с женой.

После операции он сидел рядом с кроватью, они опять о чем-то спорили. И

Зара мгновенно умерла, прямо в разгар спора: оторвался тромб. Юрий Михайлович очень держался, но без Зары из него самого словно ушла жизнь. Зара была верующим человеком, Лотман — нет. Но после ее смерти он как-то сказал: «Жаль, что я уже не могу поверить. С надеждой на нашу встречу там мне было бы легче жить». Он пережил ее на три года.

...А тот мой однокурсник поступил в Тарту, к Лотману, отучился. Считает время рядом с «Юрмихом» самым счастливым в жизни. Нет, он не стал известным филологом и семиотиком, но пять лет он провел рядом с великим ученым. А это как отдельная жизнь, полная удивительных приключений и открытий. 

*Его усы,
наверно, пора
поместить на
гербе Тарту,
заслужили
они того*





2



3



4

Черным по белому

Русская зима в объективах лучших фотографов-репортажников XX века

1. Эдгар Брюханенко. Дед Мороз выгружает из вертолета новогодние подарки в поселке Магистральном, Иркутская область, 1974.
2. Москва, 1980-е.
3. Виктор Ахломов. ЦПКиО им. Горького, 1964.
4. Марк Рибу. Уборщицы снега на Красной площади, 1960.



Гостиница «Россия», 1966



глубокоуважаемый шкаф

Пока мир открывает для себя советский дизайн, самое время перетряхнуть бабушкино наследство в поисках шедевров.

ТЕКСТ: ОЛЬГА КОСЫРЕВА

В сентябре 2016 года в Сомерсет-хаузе в Лондоне прошла выставка «Открывая Утопию: забытые архивы советских дизайнеров», организованная Московским музеем дизайна. На ней были впервые показаны уникальные материалы (документы, макеты, чертежи, рисунки), переданные в дар музею самими дизайнерами. Всего 300 лайтбоксов с проектами и фотографиями рабочих моментов: у кульманов, на совещаниях и конференциях. В экспозиции стояли картонные стулья — точные реплики тех, что были созданы для международного конгресса по промышленному дизайну ICSID в 1975 году архитектором Александром Ермолаевым. Тут же транслировалось видео — интервью с забытым поколением советских дизайнеров и инфографика, которая наглядно описывает систему дизайна в СССР.

Советская утопия получила главную награду первой Лондонской биеннале дизайна — Utopia Medal 2016. И это неудивительно. «Мало кто знал о существовании советской системы послевоенного дизайна, — говорит директор Музея Александра Санькова. — А в жюри биеннале сидели историки дизайна, например Паола Антонелли и Ян Каллум. Для них это было трагическое открытие — невероятная

ДИЗАЙН



Пожарный автомобиль ЗИЛ-Sides VMA-30, 1975



Кресло, 1920—1930-е



Стеллаж, 1960-е



БелАЗ-540, 1965



Экспериментальное советское такси, 1964



глава истории, о которой так мало известно. При этом уже столько материалов из этой главы потеряно».

Однако, хотя эта история и у нас основательно забыта, внутри страны растет интерес к работам советских дизайнеров послевоенной поры. Выставки прошли в Манеже, в Московском музее архитектуры, а также в галерее «Эритаж» на Петровке, где были представлены среди прочего уникальные находки и приобретения: довоенная мебель дизайна Бориса Иофана, Николая Лансере, Игоря Крестовского, прототипы Ивана Жолтовского для образцовой квартиры на проспекте Мира в Москве и Юрия Случевского для Новых Черемушек, а также единичные авторские изделия из стекла и фарфора. Многие вещи, представленные на выставках, можно было купить.

История советского дизайна уходит корнями в первые послереволюционные годы. Задача «Мы наш, мы новый мир построим» была поставлена перед художниками и архитекторами еще в ранние 1920-е и отлично совпала с их собственными художественными задачами и векторами поисков. Если нужно все новое — то долой старую мебель, старую посуду и старый облик домов. Долой старые формы, украшения и орнаменты, даешь небывалые ранее, простые и практичные, соответствующие времени и новому потребителю товары массового потребления. Стремление к обновлению и рывок в будущее из области социального строительства переместились в область стиля и формотворчества. Конструктивистская архитектура Татлина, Мельникова, Гинзбурга, Весниных и нефигуративная живопись Малевича, Кандинского, Лисицкого — советский дизайн ранних послереволюционных лет стоит именно в этом ряду.

Самые первые дизайнеры создавали трибуны и передвижные агитационные установки, киоски и рекламу, плакаты и праздничное оформление городов. Художники Любовь Попова, Александра Экстер, Владимир Татлин, архитекторы Александр Веснин и братья Стенберги придумывали декорации к новаторским спектаклям Мейерхольда и Таирова. «Амазонки авангарда» Варвара Степанова с Любовью Поповой отрисовали десятки геометрических орнаментов для ситчиков и фланелей 1-й Московской ситценабивной фабрики — ткани «Трактор», «Фабричный гудок», «Пионеры на линейке», «Красноармейцы на страже», «Красные косцы», «Жнейки» с удовольствием покупали в столице и провинции. Константин Малевич пробовал себя в дизайне конструктивистской, подчеркнуто прямолинейных форм посуды для Ломоносовского фарфорового завода. Художник и фотограф Александр Родченко проектировал новаторскую мебель, которая представляла СССР на Международной выставке декоративно-прикладного искусства в Париже в 1925-м. Немного позже выпускники первого института дизайна ВХУТЕМАС (расшифровывается как Всероссийские художественно-технические мастерские) защищали дипломные проекты рабочих клубов, кают на рефрижераторном судне и интерьеров Госторга, оборудования железнодорожной станции в дачной местности и раскладывающихся кресел для автобусов дальнего следования и пассажирских самолетов.

Потом было четверть века господства тоталитарного строя и сталинского стиля в архитектуре, искусстве, дизайне. На смену простым формам и функциональным конструкциям вернулись пышные украшения, дорогие материалы, орнаменты и ордерная система (вот эти все колонны, капители, порталы, фризy и карнизы, взятые из античной архитектуры,



которые мы видим на фасадах и в помещениях сталинских зданий). В книге «Интерьер жилого дома», выпущенной Академией архитектуры в 1954 году, аккуратно ведется речь об экономном использовании площади и приближении интерьера к более демократичному образцу, но в иллюстрациях фигурируют далекие от функционализма четырех- и пятикомнатные квартиры с эркерами, карнизами, лепными потолками, из прогрессивного в них — разве что встроенные шкафы и раздвижные перегородки.

О современном дизайне, простом и функциональном, в СССР снова заговорили только в период «оттепели». С конца 1950-х дизайнеры снова начали ездить за границу, смотреть на современную европейскую мебель, развивавшую стилистику Баухауза, и снова открыли для себя мастеров русского авангарда. 1960-е и 1970-е годы стали годами массового жилищного строительства, и для появившихся малогабаритных квартир проектировалась подходящая мебель: старая, тяжелая и громоздкая, там просто не помещалась. Новая мебель стала более узкой и низкой, ее силуэты гораздо более легкие, воздушные — она как будто парит над полом на своих тонких ножках. Мелкие детали и чисто декоративные украшения исчезли, зато возник цвет. Появилась разнообразная трансформирующаяся и комбинирующая функции мебель, от кресла-кровати, дивана-кровати, раздвижного стола до стенки, объединяющей в себе разные функции хранения.

Дизайнер Юрий Случевский разработал комплект для образцовых квартир в Черемушках: стеллажи, столы, стулья. Соотношение ширины и высоты мебельной конструкции он регулировал в соответствии со средним ростом человека. Тогда же в повседневную жизнь советских людей вошли модуль-

ные кухни и холодильники «ЗиЛ», пылесосы «Чайка», «Ракета» и «Сатурн», стиральная машина «Рига-60», радиоприемники и радиолы «ВЭФ» — все они отличались особыми пропорциями, современными пластичными материалами, даже начертания логотипов были очень модными.

Вехой в развитии дизайна у нас в стране стало создание в 1962 году ВНИИТЭ — Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики с филиалами в Ленинграде, Риге, Свердловске, Киеве, Баку, Тбилиси, далее везде. Институт стал главной проектной организацией большой страны и на долгие годы — главным местом инноваций в области художественного проектирования. Его возглавил Юрий Соловьев — первый и последний советский дизайнер-звезда, четыре года (1977–1980) председательствовавший в ведущей международной дизайнерской организации ICSID. Автор вагонов пассажирских поездов, которые до сих пор ездят по стране, интерьеров подводных лодок и правительственных яхт, он проектировал и простые бытовые вещи. Для общежития в высотке главного здания МГУ предложил компактный шкаф-трансформер, который можно было превратить в стол и кровать (впрочем, так и оставшийся прототипом). Первым обратил внимание на эргономику — науку о психологическом и физиологическом удобстве человека во взаимодействии с предметами, орудиями труда, механизмами. Неудивительно, что все придуманное Соловьевым было удобным и практичным: троллейбусы с большими окнами, паромы с туалетами или атомный ледоход с душем в каждой каюте. «У меня есть шутовское определение дизайнера: дизайнер — это широко эрудированный дилетант. Он должен знать все самые главные новинки в области инженерии, в области эргономики», — пояснял дизайнер



Диван, 1950—1960-е



Городское оборудование для экспериментального жилого района в Тбилиси, 1986

в одном из последних интервью. Эмигрировавший после развала СССР, затем вернувшийся, Соловьев еще застал возрождающийся интерес к советскому дизайну и первую выставку советского дизайна 1950–1980-х годов.

Многие разработки ВНИИТЭ остались нереализованными — но именно по ним видно, насколько прогрессивен был дизайн в последние десятилетия советской власти и насколько это не соответствовало стагнирующей плановой экономике. Один из сотрудников ВНИИТЭ дизайнер Юрий Долматовский разработал проект вместительного и очень экономичного автомобиля-такси из пластмассы, в который помещалась даже коляска с ребенком.

Проект подробно анализировался в журнале «Техническая эстетика»: форма вагона, широкая сдвижная дверь, непривычное расположение двигателя сзади и поперек кузова. Был изготовлен опытный образец, и полгода это такси ездило по улицам Москвы. Председатель Совмина Косыгин дал указание Минавтопрому: «Разработать мероприятия, обеспечивающие производство специализированного автомобиля-такси, доложить в двухмесячный срок». Но ничего не произошло. Проект так и остался прототипом.

И это не единственный случай. Совершенно фантастической выглядит история с проектированием уже в годы перестройки Дмитрием Азриканом и его дизайнерской группой комплекса СФИНКС — «суперфункциональной интегрированной коммуникационной системы», по замыслу объединявшей все существующие в доме технические устройства в цельный комплекс. В комплект СФИНКС входили сферические колонки и более привычная пара плоских стереоколонок, большой экран для совместного пользования и дисплей поменьше, а также головные телефоны, ручной пульт с дисплеем, большой пульт с телефонной трубкой, диски, процессор с тремя блоками памяти. Приборы СФИНКС разделялись на три группы — носимые на теле, связанные с жили-

щем и связанные с транспортом. В этих группах несложно узнать «умные» браслеты и часы, «умный дом» и бортовые компьютеры современных автомобилей.

Отдельные идеи выглядят провидческими, а многие не реализованы и до сих пор, хотя уже ничто не мешает их воплощению. В частности, в статье 1987 года в журнале «Техническая эстетика», описывавшей новую разработку, говорилось: «Носимые эффекторы, в некоторых случаях совмещенные с процессорами и интерфейсами, станут элементами одежды и особым видом украшений, как ими стали часы, например. Здесь возможны неожиданные решения: допустим, солнечные очки, по команде пользователя превраща-

ющиеся одновременно в дисплей, индицирующий время или другую необходимую информацию (частоту пульса, температуру тела или окружающего воздуха)». То есть Дмитрий Азрикан и К предвидели появление современных гаджетов, smart-часов и даже очков Google Glass еще в далеких восьмидесятых.

А потом распался СССР, а вместе с ним распались экономические связи между институтами дизайна и предприятиями, между проектированием и производством. Все придуманное и накопленное кануло в Лету. Архивы ВНИИТЭ, по слухам, отнесли на помойку — нужны были их помещения на Тверской, не до старых бумажек было в девяностые. Только двадцать пять лет спустя советский дизайн снова возвращается к пользователю. Меж тем хороший дизайн — вневременный, и он не устаревает. Так что если у вас на даче или в старой бабушкиной квартире еще стоят нелакированные серванты светлого дерева на тонких конусовидных ножках, субтильные стулья как из студенческих столовых, округлые чешские вазы литого стекла и простецкие торшеры на изогнутых фанерных стойках — самое время их вытаскивать из забвения, обновлять и ставить в центр своих современных гостиных. 





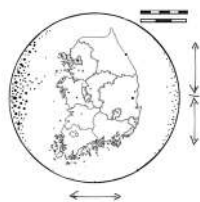
корабль «ВОСТОК»



Дворец Кёнбоккун на севере Сеула

*Самые передовые технологии, невероятная индустрия красоты
и экзотические древности – исчерпывающие основания поехать в Корею.*

ТЕКСТ: ЮЛИЯ СОНИНА



Молодой кореец, известный в сети как VJ Benzz, ест, умудряясь с набитым ртом общаться с аудиторией по ту сторону монитора. Перед ним шесть тарелок с корейской снедью, в которой смутно угадывается лапша, курица, кочан салата. И больше ничего не угадывается. У food-ролика больше миллиона просмотров. В конце концов, это просто невероятно, сколько влезает в парня с внешностью студента-отличника Корейского католического университета. Разве что у него желудок с двойным дном или тут задействован блокатор жиров. Говорят, в Южной Корее они в ходу. Дело того стоит. Мокбэнг — в переводе «прямая трансляция приема пищи» — чисто корейский феномен, который фанаты за пределами страны окрестили food-rpno. Обжорство в эфире приносит VJ Benzz и его коллегам тысячи долларов дохода ежемесячно. Кто это смотрит? Молодые ребята, приехавшие покорять столицу («Сеул» по-корейски «столица») из провинции, карьеристы, внуки корейского экономического чуда, которым пять дней в неделю некому составить компанию за ужином.

С середины прошлого века, когда была провозглашена Республика Корея, столица Южной Кореи пухла как на дрожжах. Сегодня в Большом Сеуле — городе с пригородами — проживает фактически половина населения страны, наполняя его днем молодой энергией, а ночью — амбициозными мечтами. Хотите знать, как выглядят эти мечты? Посмотрите на любой билборд с изображением местной рор-звезды в торговом районе Мёндон. Неестественно светлая кожа и европейский разрез глаз. Пластика — короткий путь к большому корейскому счастью. Причем в помешательстве на уходе за собой местные мужчины не уступают подругам. Вплоть до того, что снимаются в рекламе женской косметики. Выглядит странно-вато. Но судя по статистике продаж, это гениальный рекламный ход. Как если бы в свое время Beatles снялись в рекламе туши для ресниц.

Впрочем, с косметикой для мужчин здесь тоже все в порядке. Даже не знаю, какой сувенир из Южной Кореи чуднее — крем с добавлением слизи улиток или фаллическая фигурка

дедушки «тольхарубана», олицетворяющего мужское начало острова Чеджу. Чтобы закрыть тему сувениров, пройдитесь по улице Инсадон. Это московский Арбат, каким он не стал: с кучей приятных и разных кафе, галерей и солидных сувенирных магазинов, где продавцы говорят по-английски и нет места дешевому китчу. На Инсадон все аутентичное — маски из дерева, веера пучхэ, зонтики от солнца, ловцы снов и дорогая керамика. И обязательно чай. Купите его в чайном доме «Квичхон». Если, конечно, у вас нет в планах поездки на знаменитые чайные плантации Посон или в Кимхэ, где практически не бывает иностранцев.

На закате со смотровой площадки на телебашне N Tower даже на мыльницу получают вполне приличные снимки и можно сделать предложение на обустроенной для влюбленных открытой террасе. Правда, зимой для этого лучше надеть шапку и варежки.

Здесь же, на башне, находится единственная в мире «Туалетная комната в небе» — аттракцион только для мужчин. Еще одно место в Сеуле, которое, по-моему, стоит отметить значком «только для мужчин» — центр Samsung D'light. Здесь, например, есть трехэтажная модель мира будущего со спецэффектами и гигантским Эльдорадо.

Центр Samsung D'light и футуристичный центр дизайна Dongdaemun Design Plaza по проекту Захи Хадид — мозг и сердце Сеула небоскребов, молодого и наивного, блестящего в зимних сумерках, как целлофан, с горящими крестами протестантских церквей. Но с высоты телебашни плохо виден центральный каток в виде знака инь-ян на Seoul Plaza. Не разглядеть парка Ханган на правом берегу реки Ханган — любимого места воскресных пикников сеульцев. Где-то внизу прячутся расписные дома деревни Ихва, многоэтажные общественные бани чимчильбаны и палатки, в которых продают фастфуд — на шпажках и в развес (самый пахучий — вареные в бульоне куколки тутового шелкопряда).

В общем, чтобы найти что-то стоящее, пора спускаться с горы. Главная прелесть дворцовых комплексов всегда позади парадных покоев — в ухоженных парках, прудах с толстыми

*Сеул —
город
небоскребов,
блестящий
сумерках, как
целлофан*



Дети в национальных костюмах, Сеул



Ночной Сеул



Деревня Букчон Ханок





Буддийский монастырь Пульгукса, Кёнджу



Фестиваль бумажных фонариков в Сеуле

прикормленными карпами, беседках у водоемов. Одно из таких мест — тайный сад Бивон за дворцом Чхандоккун (Бивон так и переводится — «тайный»). Любимая резиденция монархов династии Чосон — пожалуй, самый «корейский» из пяти императорских дворцов в Сеуле. А самый большой, важный и новый — Кёнбоккун («Дворец лучезарного счастья»). Как многие памятники корейской архитектуры, оригинал пострадал во время японского колониального правления. Но сегодня все строения комплекса восстановлены до последнего кирпичика. Несколько раз в день на площади перед императорским тронным залом проводится костюмированная церемония смены караула, как это здесь делалось в XIV веке. Тогда, кстати, это тоже был нововед.

Настоящие древности, те, которые охраняет ЮНЕСКО, разбросаны по стране. Поэтому в первый раз — из страха оказаться в Азии без языка и так, на всякий случай, — я купила билет на shuttle и за четыре дня посмотрела все самое важное, пообещав себе вернуться в Кёнджу, Пусан и на остров Чеджу. Рассматривать вздымающиеся у ворот каждой деревни харубаны и скульптуры в эротическом парке Loveland как-то неловко в компании гида. Пусть даже самого русскоговорящего. Крупнейшее скопление древностей — заповедник-город Кёнджу на месте столицы государства Силла не вызывает у путешественника ненужных ассоциаций. Тут корейское все. И королевские гробницы династии в парке Тхумули. И похожая на трубу из кирпичей древняя обсерватория Чхомсондэ. И национальный музей Кёнджу с самым большим собранием королевских реликвий в Южной Корее.

Рядом с городом на горе Тхохамсан два объекта паломничества. В рукотворном пещерном храме Соккурам сидит каменный Будда. Древний и усталый, он прятался в горе от людей до 1913 года, когда его случайно нашли археологи и вернули буддистам. От туристов Будда надежно защищен стеклянной перегородкой и запретом фотографировать. Другое дело — его сосед по горе. Монастырь Пульгукса, наоборот, обязан фотографам своей известно-

стью. В Эпоху До Смартфонов они прославили «Царство Будды» на горе Тхохамсан на весь мир. И теперь, куда ни посмотри, все кажется знакомым — бесконечные арки, воротца, дворики и корейские школьники, складывающие из камней пирамидки желаний. Мне не хватило ловкости. Пришлось призывать удачу самым банальным способом — искать на территории храма золотого поросенка и тереть его пяточек.

От Сеула до Кёнджу два с половиной часа на скоростном поезде КТХ. Можно ехать из Пусана. Оттуда даже ближе. Если летом, в июле-августе, заодно окунетесь в море вместе с тремя миллионами корейцев. Не считая Чеджу, для них это главный пляж страны. На самом деле в Пусане несколько пляжей общей протяженностью двенадцать километров. Песчаных, чистых, просторных. Не хуже, чем в Тель-Авиве.

И городской пейзаж, если прищуриться и посмотреть со стороны моря, чем-то похож. Над лентой безупречного песка нависают фешенебельные высотки — первая линия приморского района Хэундэ. Но средиземноморской расслабленности нет. Пусан — гигантский современный порт и этого, слава богу, никто не скрывает. Не пытается устроить уют и пастораль там, где бетон и стекло, где через залив пущены стрелы мостов и лучшие шоу — разгрузка танкера в порту и экскурсия на рыбный рынок. Чагальчи — аналог Цукидзи в Токио — занимает многоэтажное здание и, как кракен, расплзается щупальцами на целый квартал вокруг. По мне, здесь даже лучше, чем в океанариуме на пляже Хэундэ. Никаких акул. Ты на вершине пищевой цепочки, а внизу креветки, ракушки и прочая безобидная морская фауна, которую тут же, на рынке, можно приготовить и съесть.

Пока женщины в резиновых сапогах тискают морские огурцы так, чтобы они пускали струю в туристов, мимо меня по мокрому полу проползает осьминог. Слишком отчаянно и целеустремленно для головоногого моллюска, которого можно вот так запросто полить кунжутным маслом и подать живьем в качестве блюда саннакчи. Этого парня я есть точно не стану, даже за миллион просмотров на YouTube. Это не мой мок-бэнг. 🌈

*Крупное
скопление
древностей —
город Кёнджу.
Тут корейское
все*



ПЛЕМЯ НЕЗНАКОМОЕ

*Бросьте стенать о том, что детям неинтересна классика.
Узнайте, что интересно им самим.*

ТЕКСТ: НАТАЛЬЯ МОРОЗОВА

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Вот скажите, вы можете смонтировать фильм? Ну, криво-косо, но хоть как-то? А редактировать звук? А наложить изображение? Оказывается, это умеют практически все современные дети. Когда я гордо похвасталась, что вот мой сын сам снял мультфильм, подружки-мамашки пожали плечами: «Да, мой тоже до двенадцати лет увлекался, потом прошло», «Да, у моего тоже есть канал на YouTube», «А твой в какой программе монтирует?»

Отовсюду слышны стоны про падение образования и общую безграмотность. Мне все больше кажется, что у тех, кто стонет, нет своих детей и вообще они про детей узнают только из криминальной хроники.

Вот как может быть необразованным человек, который самостоятельно разобрался в программе, освоив параллельно английский — потому что, если что-то было непонятно, он слал вопрос в группу — сначала русскую, потом какую-то англоязычную?

Ну да, он, к ужасу бабушек, не читал Паустовского и Диккенса, сидит все свободное время в компьютере. Но вообще-то этого свободного времени у него мало. А если и есть, то они с друзьями что-то там придумывают, снимают, монтируют и отправляют на конкурсы.

В конце августа я, мать-кукушка, вдруг очулась, что ребенка надо собрать к школе. Формы, к счастью, нет, учебники выдают, только вот старый ранец порвался. «Мам, помнишь, я тебе рассказывал про конкурс — надо было сделать две самоделки Lego про извержение вулкана

и написать историю? Ну так я его выиграл». «Отлично! И какой приз?» «Школьный рюкзак». Прекрасно, переходим на самообеспечение.

Дневники летнего чтения ребенок больше не ведет. Теперь он снимает трейлер на понравившуюся книжку. Ему повезло с учительницей литературы, которая, раз уж они все так увлекаются комиксами, предлагает им сделать сравнительный анализ богатырей и супергероев (заодно пересказав им теорию Проппа). И правда, почему бы и на английском вместо Диккенса и О'Генри не почитать с детьми «Гарри Поттера» или «Дневник слабака» или не посмотреть Gravity Falls? Во всяком случае, это будет современный живой язык.

Я и сама очень люблю детские (точнее, подростковые) книжки. Но вкусы у меня с ребенком не совпадают. Я люблю Гарри Поттера, а мой сын нет. Мне не удалось подсунуть его на любимую книжку моего детства «Дорога уходит в даль...». Зато он периодически заражает меня своими увлечениями. То я до утра читала роман Роланда Смита «Пик», после которого мы вместе записались на скалодром. То мы все выходные смотрели фильмы про супергероев.

Они даже живут в другом мире. Он не хуже и не лучше нашего, он просто другой. А что будет лет через десять-пятнадцать, когда они вырастут, мы и представить себе не можем. Так, может, пусть и они нас учат, а не только мы их? 

*Почему бы
вместо Диккенса
не почитать
с детьми
«Гарри
Поттера»*